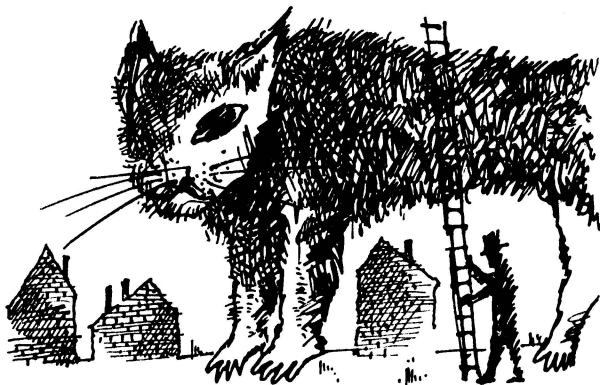

Фантакрим

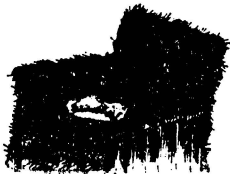
ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

Владимир ПУГАЧ

СМОТРИ - ЭТО ОН!

ББК 84Р7-4
П 88

Издание подготовлено литературно-издательским
агентством «Эридан»

Пугач В. Б.

Смотри — это он!

Фантастические рассказы. М.: Прометей,
1990. — 32 с.

Кем бы ни были герои рассказов Владимира Пугача — средневековыми рыцарями ли, сказочными ви-
тяжами или исследователями-первопроходцами, — каж-
дый из них должен сделать свой Выбор...

П $\frac{4702010201-339}{183(2)-90}$ без объявл.

© Издательство «Прометей» МГПИ
имени В. И. Ленина, 1990

СМОТРИ — ЭТО ОН!

День Первый. Бег.

Вначале было слово. Важный чиновник прочел напутственную речь, тряся пышным плюмажем на шляпе.

Потом вострубили трубы и стартовая пушка грохнула с башни, пустив по ветру клуб серого дыма. Толпа плебеев изо всех сил завопила, изнемогая от азарта. Трепались по ветру разноцветные знамена, выли чистыми голосами трубы, и с глухим металлическим лязгом колонна рыцарей тронулась бегом по каменной королевской дороге.

Им предстояло в полном снаряжении — доспехи, меч, щит, копьё — пробежать по дороге, по полю, перевалить через холм, вброд пересечь широкий ручей и на вершине следующего холма финишировать. Пробежка, нетрудная для босого холопа. Но в доспехах, с мечом, щитом и копьём... благородство тяжело для его носителей! Однако, с другой стороны, холоп может пятьдесят раз пробежать туда-сюда — холопом и останется. Те же из рыцарей, кто прибежит в числе первых тридцати, станут Равными — а это не мало.

Бегите же, благородные, соревнуйтесь, а подлая чернь пусть аплодирует у обочин!

...Стальные башмаки гремят о твердый камень королевской дороги. Дыхание бьется в железной коробке шлема — забрало закрыто, как предписывают правила, запечатано, и Ричард видит в узкую смотровую щель лишь спину впереди бегущего да мостовую под ногами, засыпанную цветами, которые истерички швыряют под ноги колонне. В уши бьет неумолчный грохот стальных подошв о камень, рыцари бегут тяжело и мерно, поблескивая на солнце плечами и макушками шлемов.

Дорога кончилась. Колонна сворачивает в поле. Бежать по специально вспаханной земле сразу становится труднее. Ступни увязают в рыхлых бороздах, меч, прыгая на поясе, лязгает о доспехи, рука уже устала держать щит, а ведь еще полпути не пробежали...

Молодежь стала отставать. Так и должно быть! Не место этим юнцам на Турнире, им еще подрасти надо. Набраться сил, а главное — идейной уверенности. Не мускулами, а твердой волей и сознанием правоты побеждают на Турнире. Это нужно понимать еще до того, как выйдешь в первый раз на старт. Да разве им словами втолкуешь? Они ведь о другом мечтают... Ну что ж! Завидуете роскошным замкам, шикарнейшей жизни, мечтаете о хорошей еде и красивых женщинах — так бегите, сопляки, бегите вместе со всеми по песку, по пахоте, задыхайтесь в тесном железе, пусть ваши сердца колотятся как сумасшедшие, пусть во всем теле отзывается болью каждый шаг — и это будет вам урок. Настоящий Равный поднялся к своему благополучию трудом, и тяжелым, неустанным трудом, — изматывающим душу и тело до болезни, часто до невозможности пользоваться заслуженными благами.

Пот заливал Ричарду глаза, и он свирепо моргал на бегу, стараясь не сбиться с шага. Солнце припекает все сильнее и сильнее. Шлем уже как чугунок с кипятком. Сердце прыгает почти у горла, ноги мерно и тяжело вдавливаются в землю — раз-два, раз-два, дыхание, дыхание, следн за дыханием, иначе... Пульс колотит в виски, копые качается в руке... Кто это упал впереди? В смотровой щели Ричарда мелькает вывернутая рука со щитом. Перевернутый герб — красный заяц с золотым копьем... Это Гелсед. Жаль. Наверно, умер. Он был уже ста-

роват для турнира. На старт пошел из честолюбия — денег у него было достаточно. Наследники, может быть, подзудили, разожгли, втайне надеясь на то, что он не добежит. И не добежал. А я добегу — Ричард скрипит зубами, запаленно цедя горячий воздух. Вперед, вперед, я же могу, я сильнее всех, я добегу, добегу, добегу... Жара душит, нет воздуха, нет! Дыхание бьется в закрытом шлеме, сердце грохочет в ушах. Быстрее, еще чуть быстрее...

Тяжело гроыхая доспехами, толпа рыцарей, постепенно растягиваясь в линию, начала подниматься в гору. Уклон небольшой, но в доспехах, на жаре, да еще бегом... Народ по сторонам оглушительно орет — разрешено, — пронзительными свистками провозжая каждого отставшего. Вот упал кто-то впереди, остальные бегут мимо, упавший пытается встать, чей-то стальной башмак мимоходом вдавливая его голову в пыль, рев толпы, лязг доспехов, кто-то на бегу роняет копьё и щит, обезумев, рвет с себя шлем, задыхаясь, вытаращив глаза, останавливается, стоит минуту и медленно падает на дорогу. Толпа ревет и свистит. Шуты, торговцы, слуги, крестьяне, воры, монахи и ремесленники — все здесь. Когда еще увидишь такое своими глазами — раз в пять лет Турнир.

А рыцари уже спускаются с холма к ручью. Вот кто-то падает забралом в воду — пить, пить, пить! — вода льется в шлем, и он пьет, пьет, захлебываясь грязной водой; тяжелые доспехи не дают подняться, тело слабо вздрагивает, сжимается и разжимается рука в стальной перчатке... А остальные бегут мимо, мимо, скрежеща стальными подошвами по камням, вперед, к победе, вперед!

Беги, не останавливайся, не оглядывайся, не думай о тех, кто упал, — тебе тяжелее, чем им,

они уже там, а ты еще здесь, беги, пока можешь. «Беги!» — ревет толпа по сторонам. «Беги, Ричард!» — это они тебя приветствуют, ты первый, ты побеждаешь... Нет воздуха, пот льется по спине, чавкает в башмаках, заливают глаза, но нельзя поднять забрало — в одной руке щит, в другой копьё, меч на боку, панцирь на груди, руки и ноги закованы в железо... Шаг, еще шаг, еще... Ты сильнее всех, ты побеждаешь, ты победил!..

И, пробежав мимо королевских судей, Ричард, шатаясь, останавливается. Он первый — остальные еще только подбегают, тяжело дыша в железо. Кто-то тянет с него шлем, кто-то подхватывает его под руки... верные слуги. Верные, хорошо оплаченные... пить!

И он, первый среди Равных, терлет сознание. Качаясь, пробегают мимо судей остальные добывшие, а там, внизу, у ручья, кто-то еще шевелится, пытаюсь встать, ползет и падает забралом в грязь. Мимо него слуги волокут за плечи чей-то труп, и железные башмаки мертвеца оставляют в истоптанной грязи две кривые борозды. Солнце играет на разноцветном шелке знамен, и возбужденная толпа, громко разговаривая, расходится. Бег окончен.

День Второй. Бой.

Грохает выстрел с башни, с лязгом опускаются забрала — и те, кто только что открыто и мужественно улыбался зрителям, поворачиваются друг к другу, подымая мечи. И под призывный звук труб, под радостные крики плебеев начинается Бой. Бьются друг против друга и каждый против всех, вминается железо под ударами, со звоном сталкиваются длинные двуручные мечи, и кто-то уже вопит от боли и в окровавленных доспехах корчится в пыли, а толпа

вокруг орет и воет, не стесняясь присутствия самого короля; а король глядит из своей ложи, изредка аплодируя особо удачному удару, и медленно потягивает вино из чаши. Рыцари топчут окровавленную траву, рычат и стонут, размахивая мечами, а над всем этим гордо реют знамена, извиваясь на легком ветру. И с замковой стены, окруженная фрейлинами, смотрит вниз с улыбкой королева.

Ага, панцирь на тебе крепкий — а так ударить... о, не нравится!

Удар, еще удар, тяжелый меч с грохотом врубается в доспехи, из-за забрала на панцирь уже течет кровь, но противник еще жив, еще стоит на ногах, и Ричард изо всей силы обрушивает меч на голову ослабшего соперника. Крак! — и шлем раскалывается, блеснув заранее сделанным надпиллом, и мозг из разбитой головы обрызгивает меч и перчатки Ричарда. «Браво!», «Браво, Ричард!» — орет толпа. Король аплодирует. Жаль убитого, он был храбрый и честный человек, но он сам виноват — доспехи перед боем надо осматривать внимательнее!

Вот кто-то упал, а двое других по очереди рубят его мечами, словно дровосеки колоду, а тот дергается под ударами. Э, парни, это не по правилам, не надо убивать зря, надо лишь сбить с ног: кого сбили, тот проиграл, вставать нельзя. Один из двоих ловко просовывает меч меж застежками панциря, налегает на него всем телом; поверженный вытягивается в судороге, и в это время второй тяжелым ударом вгоняет забрало убийцы ему в лицо, так что кровь брызжет через смотровую щель. Второй труп с грохотом падает, король аплодирует, бой продолжается — честный бой, сила против силы. Трое, последними удержавшиеся на ногах, станут Высшими, а если ты хочешь жить и боишься смерти —

ложись на землю, мордой в грязь, и выползай с арены — это можно, звание Равного тебе сохранится, а стыд — не дым!

Дым плыл над полем боя. Горело смрадное пламя над огромной черной чашей — священный Огонь Турнира, зажженный от неугасимого пламени перед ликом Властелина в храме Лоо. Потом, после Третьего Дня, от пламени чаши зажгут огромный костер и на нем будут сожжены тела погибших рыцарей. Скорбное и поучительное зрелище: пусть всякий рыцарь, прежде чем заявить себя на Турнир, задумается, а не улетят ли и его честолюбивые надежды с этим дымом?

Но пока еще Турниры не испытывали недостатка в кандидатах.

А плебеи кричали, ободряя сражающихся, и при каждом удачном ударе громовой рев восторга катился над толпой. Эх, и отличное зрелище — благородные дерутся, давят, режут друг друга на потеху простым людям! Ага, еще одного пропороли — отлично, чем больше их тут издохнет, тем легче народу! Бей, Ричард, бей их, бей! Ур-ра-а-а!

Бьются сильные и умелые, трещат панцири и шлемы, хрустят кости, и король, встав в своей ложе, не отрывает глаз от боя. Один за другим падают рыцари, и как только останется трое, король подаст знак...

Обеими руками вращая тяжелый меч, Ричард валил с ног всех, кто подходил к нему. Вокруг образовалась уже куча из десятка рыцарей. Они расплзались в разные стороны, скрипя измятыми доспехами, подобно ракам. У Ричарда было смято забрало, и он плохо видел сквозь узкую щель, даже не заметил, как их осталось трое, и только пронзительный звук трубы, перебивший даже вой толпы, заставил его остановиться. Бой кончился, кончился..

День Третий. Состязание.

Их выстроили. Высокий Жрец прочел напутственную речь, и раздали мечи. Все было в высшей степени пристойно и торжественно. Девять мечей, по три на цель — всего надо поразить три цели. Потом чрезвычайно серьезный герольд вышел к Пламенной Чаше и протрубил в серебряный горн. Этого не было в обычном ритуале, и все умолкли, слушая:

«Воля короля! Отныне и навек будет так: перед началом Состязания, до удара большого колокола, любой из трех Высших волен отказаться. Тот же, кто сделает это после удара колокола, лишается всех прав состояния, чинов, званий и привилегий и на веки становится рабом в королевских каменоломнях». Тишина была мертвая. Герольд продолжал: «Поскольку использовать в качестве целей рабов расточительно и наносит ущерб нашей королевской казне, — отныне в Круг будут выпускаться приговоренные к смертной казни преступники, виновные в злоумышлениях против короля и религии».

В тишине Ричард поднял взгляд. Над огромной черной башней замка трепетало на ветру королевское знамя, и высоко над ним в голубизне горело ослепительное солнце. Со стены замка, наверно, видно далеко вокруг. А если подняться на башню, туда, к трепещущему знамени, и всмотреться в голубую даль востока, то, наверно, можно увидеть Великие Восточные Горы. Там живет белый дракон. Никто не видел его, но, говорят, живет, и мальчишки мечтают о том, как они убегут из дому с отточенным старинным мечом, заговоренным древним заговором, пойдут в Великие Горы, найдут дракона и после тяжкого — три дня и три ночи — боя победят его. Победитель получит тогда великую власть

над миром, слову его никто не сможет перечесть, и в меру своей фантазии он будет дарить людям добро и счастье...

Но в горах никто не живет. А мальчишки, как и их отцы когда-то, посвящаются в рыцари, когда приходит их срок, и погружаются в обычные дела рыцарей — хозяйство, торги, битвы и Турниры. А немногие ушедшие в горы не возвращаются с обледеневших склонов. Не верьте сказкам об общем счастье, люди, и живите долго. И незачем смотреть на восток с башни.

Колокол ударил. Никто не шагнул назад.

Сидя на мягких подушках в шатре, Ричард ожидал своей очереди, слушая крики толпы у Круга. Девять мечей — три человека. Попасть очень трудно — цель уворачивается от летящего меча. Первый из Высших поразил две цели — отличный результат. Второй — одну. Ричард встал и посмотрел на тень флага, плясавшую по освещенному солнцем шелку шатра. Настал его час.

Твердой рукой он стянул в сторону полог и пошел к кругу под призывное пение труб. Толпа смотрела на него тысячами глаз.

— Проклятие вам, палачи!

Люди обернулись на крик. Кричал монах в белой рясе, старый, худой до прозрачности.

— Убийцы! — он потрясал кулаками над головой. — Проклятие вам во веки веков! Анафема!

Сквозь толпу к монаху не спеша подошли два стражника. Один размахнулся и толково, со вкусом ударил старика в лицо. Монах качнулся от удара и смолк, захлебнувшись кровью. Второй стражник плашмя ударил его мечом по голове, и человек упал навзничь в расступившуюся толпу. Стражники деловито взяли его за ноги и потащили за ограждение. Голова мо-

наха волочилась по земле, и за ней стелилась в пыль тонкая алая полоса, тут же затоптанная вновь прильнувшей к зрелищу толпой.

Сквозь строй стражи Ричард прошел на свое место. В руки ему вложили первый меч. Он встал лицом к кругу и приготовился... Стражники вышвырнули в круг первую цель.

...Через девять минут сплошного оглушительного рева вновь наступила тишина. Ричард тяжело дышал и улыбался толпе. Две цели восьмью мечами — лучший результат за всю историю Турниров. Для безусловной победы нужно поразить третью цель — и тогда его имя навеки войдет в историю. Он не испытывал жалости к убитым. Они умерли по приговору суда за свои преступления, и их не за что жалеть. А у него остался только один меч.

Последний меч... И последняя цель. Женщина. Разве и женщин тоже?.. Стражники швырнули ее в круг, она едва устояла на ногах, запутавшись в длинной юбке, шагнула в центр круга — и обернулась к Ричарду. Задохнувшись, он оперся на меч, чтобы не упасть.

Анна! Что они с тобой сделали, родная моя! Они тебя били, я вижу... О господи, но этого не может быть! Как же это? За что? Как они могли! Почему ты здесь?

Кровь ударила Ричарду в лицо, перед глазами все подернулось разноцветным туманом, он вскинул меч...

Черные стражники не спеша шли ему за спину.

И он понял. Да, конечно, он не бросит меч в Анну, в Анну, подумать только, нет!!! и станет рабом. Навеки рабом, и нынешний Первый получит еще четыре года власти, и снова полетят головы, и черные стражники будут стучать в двери на рассвете, и зашипит человеческий жир

в пламени костров, и собаки потащат по свалкам детские кости...

И он метнул меч. Метнул так, чтобы не промахнуться. На какую-то долю секунды он почувствовал облегчение — все хорошо, он не станет рабом, и Анна будет с ним, и никогда, никогда больше он не будет на состязаниях... А потом женщина шагнула чуть вбок.

Тяжелый меч обычно пробивает человека насквозь, легко рассекая кости. Смерть, как правило, наступает сразу.

...Она всегда любила его. Она всегда мечтала о том, о чем мечтал он. А он так мало и редко ее видел... Но он любил ее! И мечтал стать Первым Мечом Королевства...

А толпа уже взорвалась радостным воплем, и знамена падали к ногам Ричарда, и его уже вели куда-то вверх по алому ковру, и там, вверху, на виду всего народа, сам король вложил ему в руки золотой с инкрустацией меч — Первый Меч Королевства. Отныне Ричард г. правит этой страной. В его руках власть и сила, право и закон, он может судить, казнить и миловать, и все у его ног!

На пять лет!

И Ричард стиснул рукоятку золотого меча, освобождаясь от наваждения, и окинул взором огромную толпу, рукоплескавшую ему, и понял, что все сбылось, и наполнился радостью. Наконец пришло его время! Теперь все увидят, что такое твердая власть и справедливое правление! Смерть всем предателям родины!

И он высоко поднял сверкающее лезвие над орущей толпой, над факелами и знаменами, над знатными и плебеями, слившимися в едином восторге, — и золотое сияние меча тускло отразилось в мрачных линзах направленных на него снизу телекамер.

УБЕЖИЩЕ

Это — записи, которые можно считать отрывками из дневника Сергея Крутова. Отрывками — потому что, во-первых, Сергей был недостаточно введлив для ведения подробного дневника, и, во-вторых, трудно сказать, был ли он вообще, и если был, то где и когда. Причина такого сомнения станет ясна из дальнейшего. История обнаружения этих записей сама по себе заслуживает отдельного рассказа, поэтому не будем на ней останавливаться. Необходимо лишь заметить, что оригинал исчез, и существует лишь копия, которая и предлагается вашему вниманию. Классики марксизма требовали подвергать все сомнению. Но если это понять буквально, то, пожалуй, можно зайти слишком далеко. Так далеко, что трудновато будет вернуться.

И, может быть, не захочется возвращаться.

В первый раз это было страшно. Со страхом был сделан первый шаг в неизвестность. Когда этот кирпич раскололся от взгляда... Нет.. Тогда я впервые испугался происходящего. А началось все это гораздо раньше. Я боялся всю жизнь. Все мы боимся всю жизнь. Нас все время что-нибудь пугает, мы живем в мире, одна из основ которого — страх. Ну, пусть даже не главная основа, но, безусловно, одна из главных. С детства от нас требуют, чтобы мы делали одно и не делали другого, и угрожают. Чаще всего с самыми лучшими намерениями. И всю жизнь человек живет под угрозой, что если будет вести себя не так, как надо другим, то ему будет плохо. Его высмеют, если он наденет пиджак наизнанку. Его расстреляют, если он выдаст военную тайну. Тысячи, миллионы больших и малых наказаний сдержат нас на нашем пути. Кто скажет, что у него есть свобода выбора? Мы просто пробираемся в

лесу страха между тысячами кар и покараний. Если вы заведете себе любовницу, жена устроит вам неприятности на работе. Если вы не заведете любовницы, то от нехватки положительных эмоций получите невроз, бессонницу и язву желудка. Выбирайте, чего вы боитесь меньше! Хочется купить новый костюм — но страшно тратить такие деньги. А не покупать — страшно косых взглядов, которыми будут провожать ваш старый балахон. Но вы смелы, мужественны, вы не боитесь! Этого. Боитесь другого. Или третьего. Развода, перелома, зубной боли, нехватки бензина, авиакатастрофы, правды о себе, царяпины, расстройства желудка, черта, дьявола — от рождения и до смерти нас преследуют страхи. Так что, пожалуй, мне не стоит брать появление еще одного из многих за точку отсчета.

Началось все это гораздо раньше.

Я тогда просто закрыл глаза. Каждый, закрыв глаза, может увидеть то же, что увидел я. Обычные фосфены, красно-черные тени, если вы на свету. В темноте они зеленоватые. Пятна, разводы, линии... ничего больше. Если вы перед тем, как закрыть глаза, смотрели на какой-нибудь яркий предмет, то увидите его тень. Вот и все.

Я стоял у окна на работе. Передо мной были зимние плоские крыши, засыпанные снегом, в котором ослепительно сверкало солнце. Я закрыл глаза.

И увидел в фосфенах силуэт человека. Само по себе это ничего особенного не представляет. Произвольные цветные пятна могут сложиться в чей угодно силуэт. С фосфенами это бывает. Обычно такая фигура тут же расплывается. Эта тоже стала расплываться. Но усилием воли я удержал ее. Потом она все-таки исчезла, но я ее несколько секунд держал. Кому кажется, что это легко, попробуйте сами.

Я толком ничего не понял и вернулся к обычной работе.

Вечером в тот же день черт меня дернул читать книгу. У меня нет личной библиотеки (что мне и самому удивительно), но библиотекари всех четырех, которые я посещаю, хорошо ко мне относятся. Так что я мог бы вовсе не брать в руки ту дрянь, которую взял. Я книгу имею в виду. То, что она дрянь, ощущалось даже по весу. Чем хуже книга, тем она увесистее для своего размера. Если вы берете в руки даже небольшую брошюрку и она кажется вам тяжелой — значит, бестолковая и бессмысленная писанина у вас в руках. Единственные книги, выпадающие из этого правила, это словари и энциклопедии. Нет правил без исключения, и это правило — не исключение.

Так вот, я прочитал эту ерунду, все шестьсот страниц, за три часа. Почти подвиг Геракла — только Геракл все-таки очистил конюшни, а эту книгу уже никто не сделает несуществующей. Слава богу, что река времени уносит помаленьку этот навоз, а не то бы мы задохнулись под кучами дрянной литературы. Впрочем, Геракл начал чистить конюшни с того, что разогнал коней.

Однако я отвлекся. Итак, я прочел все это и лег спать. Заснуть, разумеется, не мог. Лежал с закрытыми глазами и разглядывал фосфены. И как-то помаленьку они стали складываться в фигуры героев книги. Появлялись и пропадали. Я удивился и заснул. Теперь-то это не кажется мне удивительным. Шукшин писал где-то, что легче снять хороший фильм по плохой книге. Но тогда я об этом не думал — заснул, и все тут. А факт запомнился.

С того времени у меня появилась новая привычка — в минуты, когда нечего было делать

(в очереди в поликлинике, в автобусе, иногда и дома перед телевизором) я закрывал глаза и разглядывал фосфены. Может, со стороны это и странно выглядело, но мне плевать.

И фосфены становились все интереснее. Плоские фигуры постепенно сменились объемными, все в той же красно-черной гамме, и даже немного двигались — иногда сами по себе, иногда по моей воле. Правда, появлялось всегда разное, от моей воли это не зависело. Например, однажды я увидел целую шеренгу лошадей, уходящую в бесконечность, у которых вместо ног были рыбы хвосты, как у русалок. Не представляю, какое толкование этому видению можно дать по Фрейду. К тому же, неуправляемые зрелища забавны, но самому управлять ими было бы еще интересней.

Ну и, в конце концов, «путем длительных тренировок», я добился своего. Сосредоточившись, я мог с некоторым усилием создавать и поддерживать с минуту коротенькие сценки, которые разыгрывались все теми же красно-черными фигурами. Тематика, каюсь, была не слишком разнообразна — драки, поцелуй и кое-что еще. А что — у вас есть другие сценарии для таких исполнителей?

Конечно, я занимался этим от скуки. Почему я не занялся чем-нибудь другим? Если честно — от лени. Для этого хобби требуется только своя голова — и ничего больше. Да и мало ли какой ерундой занимаются люди в то время, когда не висят над ними Правила внутреннего трудового распорядка. Иногда, впрочем, и в другое время, то есть на работе. Специфика моей работы такова, что включает в себя периоды пустого ожидания. А известно, что во всякой организации существуют свои традиционные методы заполнения этих периодов. Иногда это питье чая

иногда — вязание, кое-где либерализм доходит до того, что можно даже газеты читать. Но вообще-то в подавляющем большинстве организаций, учреждений, а равно и предприятий традиция требует, чтобы канцелярский работник, ничего не делая, ничего постороннего не читал, ничего не вязал, никуда в сторону не глядел, а также чтобы никуда не уходил надолго с рабочего места, избави бог. Так что дозволяется только разговаривать, сидя за столами, да и то не всегда. Я скучал, скучал отчаянно, так, что даже в сон кидало. Но не будешь же сидеть на рабочем месте с закрытыми глазами. Сразу вывод — «спит на посту», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что я и сам не заметил, как обучился видеть те же фосфены с открытыми глазами, глядя в чистый лист бумаги. Присмотритесь к белому листу — и вы увидите на его фоне легкие золотистые тени. Это фосфены, только их обычно не замечают.

Постепенно я добился того, что в глубине белого листа, как на экране, разыгрывались цветные, объемные, движущиеся сцены. Сначала получалось только на бумаге. Потом на любых ровно окрашенных плоскостях. Потом на чем попало. И, наконец, через год я дошел до того, что видел что хотел и как хотел. Скажи я об этом кому-нибудь — и сразу в психушку. Но это не было сумасшествием — галлюцинации полностью подчинялись мне, исчезали и появлялись только по желанию. Зрелище в тысячу раз интереснее любого кино! Пару раз я принимался гадать, чем все может кончиться. Но произошло нечто совершенно неожиданное.

Однажды я шел с работы домой через сквер. Смотрю — рядом с дорожкой валяется кирпич. Обычный красный кирпич. Зачем-то я остано-

вился и, подняв его, представил, будто он раскалывается пополам.

Половинка кирпича упала на дорожку.

С этого момента пришел страх. Я бросил вторую половинку и ушел, дважды оглянувшись.

На другой день обе половинки все так же валялись в траве. Кирпич, бывший целым, раскололся окончательно и бесповоротно.

Только через три дня я решился повторить этот опыт с пустой бутылкой. Она раскололась сразу. На меня какой-то столбняк напал, и я взглядом искрошил ее в стеклянную пыль. Это уж ни в какие ворота не лезло. Но когда я попробовал силой воли покатить колпачок от авторучки (классический прием), он не шелохнулся.

Не стоит описывать серию бестолковых опытов, которые я проделал со всем, что попало под руку. Видеомиражи были заброшены (я стал бояться их воплощения), целыми днями я ходил как в тумане и все думал, думал...

И никому ничего не рассказывал.

Странен смысл у слова «задумался». Оно же значит — «загородился», закрылся мыслями от мира... Вот я и задумался.

Что я знаю о мире вокруг меня? Что я знаю о прошлом и будущем? Откуда это знание? Прошлое известно мне по книгам и рассказам, то есть по чужим изложениям, устным и письменным, пусть даже правдивым, но все же неполным. Будущее известно мне по чужим и своим собственным прогнозам тоже весьма приблизительно. Настоящее — то, чего я не вижу сам сию минуту, известно мне по собственной памяти и по чужим рассказам, это значит, доволно относительно. Да и о тех вещах, которые находятся в поле зрения, я многое знаю опять же по чужим рассказам, а многого не знаю вовсе. И так, ни о чем в мире я не могу сказать с уверенностью,

что мои знания об этом предмете, явлении, процессе совершенны и полны. Теперь взглянем в будущее. Оно известно мне лишь отчасти и все время меняется. Каждый мой шаг, связанный с выбором, каждый шаг другого человека меняет какие-то детали в картине будущего, так что она все время колеблется, что-то из нее исчезает, что-то появляется. А прошлое? Мы считаем, что прошлое неизменно, и если что-то случилось, то, так сказать, случилось раз и навсегда. А так ли это? То есть да, одного дня дважды не прожить, это пока аксиома. А вот неизменно ли прошлое? Допустим, давным-давно, в некоей седой древности произошла какая-нибудь битва. И потом про нее забыли. Совсем, начисто. Не осталось ни следа, ни памяти. Но значит ли это, что этой битвы не было? Ибо кто скажет — да, она была! Нельзя же все, что только можно вообразить, считать действительно происшедшим? Значит, тех событий, о которых мы не помним, никогда не существовало. А то, что происходило, происходило именно так, как рассказывают об этом. И самая отъявленная ложь становится истиной, если никто не может возразить. У каждого из нас — свое видение прошлого и будущего. Каждый из нас живет в своем мире. Каждый из нас знаком со своей собственной реальностью, потому что два человека один и тот же предмет видят обязательно по-разному.

Но мир на всех один. И наши представления о нем, сплетаясь, создают ту реальность, которую мы видим и которая, являясь суммой представлений о мире нас всех, не соответствует представлениям каждого в отдельности. Мы творим мир своими желаниями. Противоположные желания равной силы взаимно уничтожаются. Но так бывает крайне редко. Если все люди мира, объединившись, захотят чего-то, то это

сразу сбудется, причем не чудом, а просто мир изменится весь, так, что исполнение желания покажется существующим давным-давно, и о прежнем состоянии никто не будет помнить. Ну, а мелкие, индивидуальные чудеса, вроде моего чуда с разбиванием бутылки, объясняются просто. Способность бутылок разбиваться общеизвестна, поэтому человеку, знающему, как это делается, нетрудно разбить бутылку, лишь подумав об этом. Но весь мир знает, что коровы не летают, и я не смог бы заставить корову полететь, даже если бы захотел. Всобщая уверенность не дала бы этого сделать. Я мог бы лишь для себя вообразить корову летящей.

Как много всего существует лишь благодаря всеобщей уверенности в его существовании!

Это же так просто...

И не один я обрел такие способности. Их — в разной степени, в разной форме — имеют многие. Правда, всевозможные мелкие чудеса легко удаются лишь среди единоверцев, а среди скептиков — никогда. Мы формируем мир не только активными действиями, но и просто верой. Если мы верим, что нечто есть, то оно есть для тех, кто верит, и наоборот.

Страшная, честно говоря, вышла картина. Мы живем в огромной паутине связей, созданных своими и чужими мыслями. Размышляя, желая, мечтая, отвергая и соглашаясь, каждый из нас сотрясает паутину мира, связи рвутся, появляются новые. Предметы, которые мы считаем реальными, исчезают и возникают, и о каждом из исчезнувших мы не помним, словно его никогда не было, и о каждом из возникших думаем, что он был всегда. Мир меняется каждую секунду, и мы меняемся вместе с ним и изменяем всех остальных, а они изменяют нас: и все мы перемещаем все остальное, и считаем его неиз-

менным. Долю секунды назад мир был иным, и долю секунды спустя он будет иным, а мы думаем, что он не меняется. Слишком много мыслящих голов в этом мире, нам в нем тесно, мысли и желания сталкиваются, и рождаются ужасы, и подымаются чудовищные вихри злобы и ненависти, засевая дрожащую землю стреляными гильзами. Люди умирают, и рождаются новые, и миллионы мелких страхов, порожденные миллионами наших противоречивых желаний, опутывают нас с рождения и до смерти!

Все хотя́т разного, и в результате получается нечто среднее, то, чего никто не хотел, и это среднее — наш мир, в котором все мы живем, в котором живу и я.

Но наш мир не единственный. Я понял это, когда подумал о том, что ведь и я не первый, кто постиг суть, что были другие до меня... Где они? Отчего я никогда о них не слыхал?

Ответ прост. Если каждый мыслящий человек способен создать себе свой собственный мир, то он может и уйти в него навсегда, если знает — как. Они — знали.

Я знаю, как уйти, и знаю, что, уходя в другой мир, человек уходит туда весь, от него не остается в этом мире ничего: ни памяти, ибо память о нем — это тоже частица его, ни вещей, сделанных его руками и несущих отпечаток его индивидуальности — вещи остаются, но неповторимость свою они теряют. От человека не остается ничего, его нет и не было, и никто никогда не вспомнит о нем, никогда...

Я подписываю эти строки, стоя перед открытой дверью. За ней — берег, и море, и солнце, и над белым замком на скале трепещут на ветру цветные флаги. Тишина и безлюдье... Это мой мир, я буду в нем один, и там будет все так, как я захочу.

Я стану богом этого мира. И когда-нибудь я создам людей... И они вновь уйдут из рая, и начнут плодиться, и оплетут паутиной мыслей Вселенную... Ну что же, мне это не страшно. Я создам себе новый мир — а из этого опять будут выходить все новые Познавшие, все новые боги.

И что будет, когда богам станет тесно?

Я ухожу. Прощайте. Сейчас дверь закроется за мной и исчезнет, и на ее месте будет, как и прежде, серая стена. Обо мне забудут, как забыли тех, кто ушел до меня.

Но, может быть, что-то все же останется.

Ведь я хочу, чтобы осталось.

Прощайте. Дверь закроется, но каждый, кто сможет, откроет свою.

Желаю вам удачи!..

СОМНЕНИЕ

Знаете, он такой был парень — все ему удавалось. За какое бы дело он ни брался — все получалось просто великолепно. А брался он за такие дела, что ого! Знаете, за что ему Героя дали? Когда тут пожары были, он на своем МК-305 проскочил в самый очаг пожара и вытащил оттуда троих человек, — а вы знаете, что такое этот пожар? Да, в самом деле, вас тогда тут не было. Ну, по крайней мере, МК-305, тристапятку, видали? Ну так скажите, куда там можно посадить трех человек и пилота? Не знаете, и я не знаю. Но он их посадил. И вывез. За это Героя ему и дали. Все девчата базы и так только на него и глядели, а тут уж совсем... закружилась метель. А как же! Умный, красивый, добрый, спортсмен, на все руки мастер и Герой к тому же — идеальный... космонавт, гм. Но он и тут показал себя идеалом — ему и до того нравилась одна симпатичная девчушка

с энергостанции. Он ей вѣрен остался, хотя вокруг него и покрасивее крутились, вот хотя бы эта... Ну ладно, неважно. А? Да что там, здесь все всем известно — поневоле; сами видите, какой купол, а ведь население пятьдесят семь человек, куда ты от глаз денешься? Вообще-то они и не скрывались, хотя на базах любовь и тогда не поощрялась: влюбился — подавай заявление и брысь на легкую работу, чтобы у людей бдительность не снижать. На твое место желающих много — передний край все-таки. Но ему исключение сделали — Герой, а как же! Да и упущений по работе ни он, ни она не допускали. Тут ведь так: малейшее что-то где-то, и без разговоров — долой. Слишком большая ответственность, случись что — долго не залатают. Но все было в порядке и шло тихо-мирно целых два месяца — в июне ему Героя дали, тогда же он с ней сошелся окончательно, а в конце августа все и случилось. Всего два месяца у них и было, да...

Причины весенних пожаров мы так и не нашли. Посылали туда группу, очень осторожно, очень. Может, из-за осторожности и не нашли. Поставили там точки, стандартные такие маячки — СОМ-76, у нас их полон склад. Это как раз его сектор был, техобслуживание точек он делал, и когда с точки-47 сигнал прервался, он и вылетел чинить. Да, один, он часто один летал, у нас многие в одиночку летают — недалеко от базы, а он на самый край зоны мог один полететь. Но не дальше, конечно. Дальше — это уже к самоубийству близко. Ну, ладно. Вылетел он, значит, к забарахлившей точке, исправил, вернулся, доложил и, между прочим, сказал, что там молодая поросль уже порядочно поднялась. В пожары-то все там до черноты выгорело, а за лето молодой лес взошел. Вы видели когда-нибудь здешний молодой

лес? Нет? Стереоснимки вам покажу, только снимки — это не то, они запахов не передают, и звуков, и игры лучей, и движения... Да что там говорить, это видеть надо! Она тоже никогда молодого леса не видела. Он и полетел туда вместе с ней, в тот же день, вечером. Вы же видали, у нас каюты сплошь четырехместные, а работа в три смены, так что постоянно кто-нибудь присутствует. Вот они и улетали иногда с базы вдвоем — это можно понять, как вы считаете? Вылетели они в пять, сразу, как у нее дежурство кончилось. Ходу туда полтора часа на тристапятьке, и последние полчаса связь ретрансляцией через маяки, потому что рация слабовата. Прилетели они точно: в полседьмого он, как положено, доложил на контроль, что сели благополучно, и тут их атмосферными разрядами заглушило. Маяк-то слышно, но искажения ужасающие, и разобрать ничего нельзя. Ну, это обычное дело — минут пять, десять, и пройдет. Но когда продержалось двадцать минут, дежурный забеспокоился. Наконец на сорок первой минуте сейсмограф дал отчетливую отметку — сильный взрыв на юго-западе. Там, где они находились. Конечно, тревога, аварийная команда вылетела, но было уже поздно.

Да, за годы жизни тут забываешь, что ты в чужом доме в общем-то, пусть и без хозяев. И все тут чужое, и если не враждебное, то непривычное обязательно. А люди привыкают и забывают, что это очень опасно — привыкать к непривычному. Мы начинаем вести себя, как на Земле, мы становимся уверенны и спокойны, а это ведь не наш дом. Тут и небо не то, и лес этот — лес только по названию. Оказывается, весь лес, а в особенности молодая поросль, чувствителен к психоизлучению человека. Поэтому, кстати, в лесу всегда ветерки и дуновения —

лес усиливает психонзлучения и каким-то образом преобразует в движение воздуха. Зачем это ему — трудно сказать. Может быть, это как-то связано с пожарами. Или с ростом. Сейчас многие заняты этими вопросами, целая новая наука создается. Но и так уже ясно, что там случилось... Вообще-то психополе у человека довольно стабильное и, в общем-то, слабое. У медведя, например, на порядок сильнее. Но в моменты эмоционального напряжения оно усиливается в десятки, сотни раз. Не забывайте, они ведь любили друг друга и туда прилетели специально, чтобы быть только вдвоем... Находились они в тот момент в молодой поросли, а она на два порядка чувствительнее взрослого леса и энергетически намного богаче. Вот и поднялся там в момент наивысшего эмоционального напряжения целый ураган. Настоящий ураган, без всяких шуток — и на самом краю зоны! Наверно, они оба сумели добраться до катера — скорее всего, были совсем рядом. Взлетели, конечно, без труда — тристапятьке никакой ураган не страшен. Но мегавихрь уже родился. Он нарастает стремительно, за какие-то минуты набирает колоссальную силу — а потом... В общем, с базы никто не сумел бы уйти. И, наверное, он это понял. Я уже говорил, он был мастер на все руки, и компьютер в его катере по возможностям не уступал «Альфе Д» — представляете? Так что расчет занял минуту, от силы две. И он взорвал катер в самой середине зарождающегося мегавихря — и разрушил его, разбил на сотню сильных, но вполне безопасных ветерков. Взорвал вместе с собой. И с ней...

Когда медсестра наша об этом узнала, ей плохо стало. Отчего? Оказывается, девушка эта за день до того проходила регулярный медосмотр — все его проходят. И прибор показал

беременность. Медсестра согласилась никому не говорить, пока можно будет, но ему все же сказала. Так что он знал.

Я вот теперь думаю — имел он право на такое решение? До соседней базы они, хоть и на пределе, но могли долететь. Он, видно, подумал, что нас тут пятьдесят пять, а их там было... считай, трое. Но мы-то здесь здоровые, подготовленные, мы знали, куда шли работать, знали, чем это кончиться может. Да и они оба тоже из нас ведь были — тоже в любой момент готовы, если потребуется... Да. А этот-то, третий, он-то тут при чем? Разве можно... такой ценой?

И опять же, это как сказать. Уничтожь вихрь базу, прорыв образовался бы порядочный — как раз на сорок пять лагов. И кто его знает, как бы все обернулось. Так что они, может быть, всю планету собой прикрыли, да. Теперь, конечно, почет. Памятник ставить будут.

А женщин все-таки убрали со всех баз. От греха, так сказать, подальше.

А я вот думаю — правильно ли он сделал? Ведь мегавихрь мог и мимо пройти...

ИГРА

«Есть игра: осторожно войти...»

/А. БЛОК/

В тот вечер мне просто нечего было делать. Бывает иногда такое состояние, когда никакое дело не идет, просто скучно, и все. В кино сходить, что ли? Взял газету, посмотрел. Ничего интересного там не было. Говорят, со следующей недели хороший фильм, а пока нечего смотреть. Остается бар. Пойти, взять какого-нибудь томатного сока, посидеть с ребятами. Скучно, да. Ну, а что ж делать, не книжки же читать. Оделся я и пошел. Пока шел до троллейбуса, игру

одну вспомнил. Читал, что ли, в книге одной, про сыщиков. Там один вора этим способом разоблачил. Дескать, если посмотреть на человека, принять его позу и выражение лица, то почувствуешь его настроение. Не знаю, отчего мне это на ум пришло. Сел в полупустой троллейбус, в середину салона. Напротив, на том сиденье, которое лицом против движения повернуто — знаете, есть в троллейбусах такое, — девушка симпатичная сидела. Ну, я честно принял ее позу, представил, что в руках у меня сумочка, в окно мечтательно, как она, поглядел — и включился. Ожидал, настроение перейдет, так, вообще. Оказалось, способ куда сильнее! Да и фантазия у нее — мне и не снилось! Покраснел я, как вареный рак. Она, конечно, не обратила на меня внимания. Встала и на остановке вышла. Очухался я немного и переключился на парня, который вошел и на передней площадке стал. Теперь я даже позу его не стал принимать, а просто представил себе, что это я там переминаюсь и дверь нервно рукой глажу. Он, как я понял, к друзьям своим торопился. Какие-то дела у них были, с мотоциклом связанные. На следующей остановке он выскочил и быстрым шагом пошел за дом куда-то. А через одну моя остановка была.

Не надо было мне даже пытаться в эти игры играть! Уже в баре я понял, что это не игра, не забава. Я с легкостью прочел мысли одинокого парня у стойки, девчонок, пивших кофе, какой-то парочки в темном углу. С каждым разом это было все проще и проще. словно я умел читать мысли, а теперь вспоминаю забытое умение. Когда я вышел из бара на улицу, то уже так натренировался, что стоило мне взглянуть на человека, и я уже знал, о чем он думает. И мне стало страшно. Я не могу так! Мне ни к

чему знать мысли старика в автобусе, бывшего партизана, и женщины, несущей сумку с краденным мясом. Страшнейшая из кар за любопытство — знание. Господи, которого на самом деле нет, зачем ты дал мне эту силу? Ведь не мне она нужна. Мне не нужны тоска мужчины, стоящего у парапета набережной, и радость девочки, идущей на свидание в новых сапожках. Я сдуру открыл плотину, отделяющую человека от людей, и захлебываюсь в потоке. Люди, какое счастье для вас, что вы не слышите мыслей тех, кто рядом! Если бы я был сильным, то наверняка бы кинулся на борьбу с дураками, ворами, пьяницами, лжецами всех видов, которых полно вокруг. Но я слабый человек. И у меня одна надежда — мое проклятие не вечно. Клетки человеческого мозга постепенно отмирают. И мозговые структуры, начиная с самых сложных, медленно разрушаются в течение всей жизни. А это сложная структура, я уверен. С годами самые яркие замыслы и самые прекрасные чувства первыми вытесняются из медленно сжимающегося мозга. И человек теряет свое беспокойство. Мне осталось недолго ждать. И я стану обычным работником и прекрасным семьянином. Забуду ли тогда игру своей молодости? Надеюсь, что да. Ведь я знаю, большинство — забыло...

Для того, кто за внешностью видит нутро,
Зло с добром — словно золото и серебро.
Ибо то и другое дается на время,
Ибо кончится скоро и зло, и добро.

(Омар Хайям)

ЭПИЗОД

«...А прямо пойдешь — живым не вернешься».
Плюнул витязь на камень, пришпорил каблучками коня и поскакал по росистой траве навстречу солнцу. Над лесом вставал рассвет. Лас-

ковый ветерок приятно охлаждал грязные пальцы, торчащие из драного сапога. Тупое копые болталось поперек седла, шлем сползал на глаза, старая кольчуга брэнчала всеми прорехами — но конь был силен и верен, витязь молод и настырен, и жизнь прекрасна и удивительна!

Вьется большая дорога, убегая под низкое солнце, извивается между холмами... Куда ведешь ты, большая дорога? Почему нет на тебе ни пешего следа, ни конного, и не видно ни единого путника, насколько хватает глаз? Почему так темен и суров лес по твоим сторонам? И все темнее и глуше лес; все уже и круче заворачивает дорога, бежит к громадной, черной, чаще, словно шерстью покрытой горе. Какую судьбу готовишь ты, большая дорога, тому, кто осмелился довериться твоим поворотам?

Грубый каменный крест у обочины и череп лошадиный под крестом. Печальная ворона хрипло бурчит с ели запоздалое свое предупреждение. Не слышит витязь — он скачет, торопится: дорога заворачивает — что там, за поворотом? Сердце витязя шумно бьется в предвкушении подвига, славы, счастья, и он летит за поворот, пришпоривая коня. Он торопится. Свободить из лап чудища прекрасную царевну. Или отбирать у леших преогромный клад.

А может, царство освободить от злого врага....

За поворотом Змей Горыныч, кряхтя, вылез из пещеры и прислушался.

Пели птицы, и звенели подковы.

— Несет кого-то черт... — устало сказал Змей. — И камень же поставил, нет, все равно лезут. Даже больше, чем раньше. О-хо-хо.

И, кряхтя, он нехотя пошел к дороге.

Витязь вылетел из-за поворота на широкий луг перед пещерой, истертый бесконечными битвами, усеянный обломками мечей и обрывками

кблчуг. Небольшая змея подняла треугольную голову из травы, тихонько скептически свистнула и поползла прочь.

— Опять консервы... — брезгливо пробурчал Змей, увидев жестяной блеск на шлеме витязя. — По три года не моются эти герои, в рот их не возмешь, тьфу! — И он фыркнул дымом сквозь зубы.

— А конек под ним ничего, конек свеженький!

С этими словами Змей стал поперек дороги, выставил челюсть и плотнее уперся хвостом в землю. Завидев врага, витязь, не говоря долгих речей, заколотил копя пятками под бока, прихватил поудобнее копьё и понесся, набирая скорость, целясь наконечником Змею в грудь.

Бум-м!

Содрогнулись горы от грома и треска, по крутым склонам потекли камешки. Заспанный орел высунулся из гнезда, недовольно буркнул что-то и усунулся* обратно. Змей остался цел и невредим, он только назад отошел, чтобы устоять. Но копыа больше не было. Витязь, немного оглушенный ударом, швырнул обломок, отскочил и завертелся с конем по луку, вытаскивая длинный меч. Змей спокойно следил за его передвижениями — он был сыт, да и смелость парнишки ему понравилась. Наконец витязь вытащил свою железку из ржавых ножен и пошел на второй заход, крича что-то высоким отчаянным голосом. Подскакав к Змею вплотную, витязь брякнул его мечом по плечу, отскочил, подлетел вновь, брякнул по другому плечу, опять отскочил...

Змей ухмыльнулся и вдруг с размаху грохнул кулаком в землю, так что брызнули камешки и получилась внушительная яма. Витязь застыл на месте, растерянно глядя на Змея. Змей сел на придорожный камень, пустил дым из ушей и спокойно посоветовал:

* Именно так.

— В почву* вколочу, дурень. Уходи лучше. А коня можешь оставить.

Конь похолодел и осторожно оглянулся. Витязь тоже.

— Не старайся, — заметил равнодушно Змей. — Все равно я летаю быстрее, чем ты бегаешь. Сам пришел, так что уж не рыпайся*.

И, вытащив из кармана штанов здоровенную флягу, поболтал ею, похлебал из горлышка, утер лапой морду, посидел немного, ощущая меланхолию, и заговорил наставительно:

— И чего тебя сюда принесло, дурачок? Ты что, не читал, чего на камне написано? Или, может, я тебя трогал? Ты ж думай, на кого кидаешься, — при этих словах Змей сложил и показал витязю полуметровый кулак, — если ты умеешь думать, конечно. Да только думать ты не умеешь, тебе абы подвиг совершить, а зачем, для чего — не знаешь... Эх ты: дурачок, дурачок. Нарожали вас, пацанов, и выпустили в мир... Мясо, — неожиданно заключил он и встал.

Витязь, побелев, неподвижно смотрел на змею улыбку. Конь, не такой нервный, поглядывал злобно и осторожно скашивал взгляд назад. Змей постоял немного, словно раздумывая, и вдруг: «Кха!» — резко выбросил перед правую лапу. Через секунду по дороге стремительно завилась пыль.

Смеясь, Змей смотрел вслед ошалело удирающему витязю.

— Скачи, скачи, дурачок. Сме-елый... Эти еще ничего, безвредные. Вот погода немного на танках начнут приезжать — придется опять на другую планетку перебираться. Эх, жизнь, жизнь...

И, горестно плюнув на кустик подорожника, Змей полез обратно в пещеру — досыпать.

* Именно так.

Цена 30 коп.

СОДЕРЖАНИЕ

Смотри — это он!	3
Убсжище	13
Сомнение	22
Игра	26
Эпизод	28

Владимир Борисович Пугач
СМОТРИ — ЭТО ОН!

Фантастические рассказы
(Фантакрим-микро. Фантастика, приключения,
детектив)

Составление выпусков «Фантакрим-микро» —
М. И. Андриюшкин

Редактор выпуска Г. Т. Терентьева

Оформление и художественное редактирование —
С. В. Баленок

Координатор выпуска В. Г. Шлосберг

Сдано в набор 10.11.89. Подписано в печать 22.11.89.
АТ 10787. Формат 60×84/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура литературная. Печать высокая Усл. печ. л. 0 84.
Уч.-изд. л. 1.2, Тираж 50 000 экз. Заказ 170-4. Из-
дательство «Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина.
119048, г. Москва, ул. Усачева, 64. Набрано и отпечатано в
типографии «Рота», 226011, г. Рига, ул. Блауманя, 38/40.